

VI.

Выше, в третьей главе настоящего трактата, было обещано обсудить величие императорского авторитета, а также и философского; а потому, обсудив авторитет императорский, надлежит продолжить мое отступление для рассмотрения авторитета философа, согласно данному обещанию. Прежде всего надлежит рассмотреть, что это слово обозначает, ибо значение его важнее знать в данном случае, чем при обсуждении авторитета императорского, который благодаря своему величию сомнений, видимо, не вызывает. Итак, надо помнить, что «авторитет» не что иное, как «действие автора». Само же слово «autore» без третьей буквы с может восходить к двум разным корням: во-первых, к глаголу «aúieo», давно вышедшему из употребления, который обозначает, собственно, «связывать слова». Достаточно внимательно вслушаться в это слово, чтобы при первом же его произнесении убедиться, что оно само обнаруживает свое значение, поскольку состоит из одних только внутрисловесных связей, а именно только из пяти гласных, которые являются душой и связью каждого слова и из которых этот глагол составлен путем их перестановки, создавая тем самым образ связи. В самом деле, начав с А, он переходит в U и оттуда через I тут же идет в E, откуда он оборачивается и возвращается в O; таким образом, он воспроизводит следующую фигуру – А, Е, J, O, U, – которая есть фигура связи. Поскольку слово «autore» происходит и выводится из этого глагола, оно применяется только к поэтам, которые связали свои слова мусикийским искусством; однако в настоящей связи это значение не имеет в виду. Другой корень, от которого происходит слово «autore», – это, согласно свидетельству Уггучоне в начале его «Этимологий», греческое слово «autentin», значащее по-латыни примерно «достойный доверия и послушания». Таким образом, «autore», как производное отсюда, употребляется для обозначения любого лица, достойного того, чтобы ему доверяли и повиновались. И таково происхождение того слова, о котором здесь идет речь, а именно «авторитет»; из чего явствует, что «авторитет» все равно что «действие, достойное того, чтобы ему доверяли и повиновались». [Посему, когда я доказываю, что Аристотель в высшей степени достоин того, чтобы ему доверяли и повиновались], очевидно, что слова его обладают верховным и высочайшим авторитетом.

То, что Аристотель в высшей степени достоин доверия и послушания, можно доказать следующим образом. Среди мастеров и художников в различных областях искусства и мастерства, подчиненных какой-нибудь одной конечной цели, художник или мастер, добивающийся этой конечной цели, должен пользоваться доверием и послушанием всех остальных, как тот единственный человек, который видит конечную цель наряду с другими, отдельными целями. Так, рыцарю должны доверять те, кто производят оружие, уздечки, седла, щиты и занимаются всеми теми ремеслами, которые подчинены рыцарскому искусству. А так как все человеческие действия должны служить определенной цели, а именно – жизни, законам которой человек подчиняется, поскольку он – человек, то тому мастеру и художнику, который служит этой цели и с ней считается, и следует по преимуществу доверять и повиноваться. Таков Аристотель, благодаря чему он в высшей степени достоин того, чтобы ему доверяли и ему повиновались. А дабы убедиться в том, что Аристотель есть наставник и вождь человеческого разума, поскольку он имеет в виду его конечную деятельность, следует помнить, что эту нашу конечную цель, к которой каждый из нас от природы стремится, уже с древнейших времен искали все мудрецы. А так как стремящихся к этой цели великое множество и каждый разумеет ее по-своему, хотя цель эта едина, было весьма затруднительно распознать именно ту цель, на которой безоговорочно успокоилось бы любое человеческое искание. Так, древнейшие философы, из коих первый и главный был Зенон, полагали, что цель человеческой жизни заключается только в непреклонной честности, то есть в том, чтобы непреклонно, ни с чем не считаясь, следовать истине и справедливости, ничем не огорчаться, ничему не радоваться и не поддаваться никаким страстям. А определяли они эту честность следующим образом: «То, что без пользы и без выгоды, само по себе похвально с точки зрения разума». Люди же эти и их последователи получили название стоиков, и к числу их принадлежал тот самый прославленный Катон, о котором я выше не осмелился высказаться. Были и другие философы, которые думали иначе, чем только что названные; первым и главным из них был некий философ, по имени Эпикур. Видя, что каждое животное, едва родившись, как бы от природы устремлено к должной цели, избегая страданий и требуя радостей, Эпикур утверждал, что цель эта – наслаждение (я не говорю «voluntade», но пишу это слово че-